

- Memorandum by the State Department Member** – Memorandum by the State Department Member, State-War-Navy Coordinating Committee. Washington, 17 March 1947. P. 198. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v03/d129> (data obrashcheniya: 13.04.2021).
- Policy with Respect to American Aid** – Policy with Respect to American Aid to Western Europe Views of the Policy Planning Staff. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v03/d135> (data obrashcheniya: 14.04.2021).
- Report by the National Security Council** – Report by the National Security Council NSC 1/2, Washington, February 10, 1948. The Position of the United States with Respect to Italy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d469> (data obrashcheniya: 14.04.2021).
- The Department of State bulletin** – The Department of State bulletin. Volume XVI: Numbers 392-417. January 5 – June 29 1947. P. 1159-1160. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uiug.3011200177728&view=1up&seq=548&q1=1159> (data obrashcheniya: 12.04.2021).
- United States. National Archives and Records Administration** – United States. National Archives and Records Administration. Milestone documents in the National Archives 1995. P. 26-29. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uva.x004096684&view=1up&seq=8> (data obrashcheniya: 22.04.2021).

УДК 94(438).083:94(437)
DOI 10.26170/2413-872X_2021_24_06
Код ВАК 07.00.03.

Э. А. Замов

ИДЕОЛОГИЯ ПРОТЕСТА: АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Статья посвящена сравнительному анализу программных документов антикоммунистических движений в Восточной Европе. На примере двух программных документов («Две тысячи слов» и «Программа независимого профсоюзного объединения “Солидарность”») делается попытка выявить причины возникновения этих движений, общее и особенное в истории антикоммунистических движений Польши и Чехословакии.

Ключевые слова: антикоммунизм; коммунизм; антикоммунистические движения; программные документы.

Сведения об авторе: Замов Эдуард Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Департамента международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: ZamovEA@yandex.ru.

Eduard A. Zamov

THE IDEOLOGY OF A PROTEST: THE ANTICOMMUNIST MOVEMENTS IN THE EASTERN EUROPE

The article is devoted to the comparative analysis of the program documents of anti-communist movements in Eastern Europe. On the example of two program documents (“Two Thousand Words” and “Program of the independent trade union association ‘Solidarity’”), an attempt is made to identify the causes of these movements, the common and special in the history of anti-communist movements in Poland and Czechoslovakia.

Keywords: anti-communism; communism; anti-communist movements; program documents.

About the author: Eduard A. Zamov, Candidate of History, Associate Professor of Oriental Studies Department of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Недавняя попытка захвата вашингтонского Капитолия, несмотря на неудачу, стала потрясением для «золотого миллиарда», а следовательно и для всего мира. Даже в более тяжелые для американцев времена подобного не происходило. В США принято считать демократическую политическую систему идеальной и конечной, и тем не менее попытка подобного захвата состоялась. Западная Европа даже в условиях всеобщего избирательного права еще в XIX в. сталкивалась с подобными протестами, но захват цитадели мировой демократии случился еще более показательным событием.

В XIX в. политические партии предлагали избирателю антитезу консерватизм – либерализм. Затем появилась третья альтернатива – социализм. В XX в. общественная мысль предложила «маленькому человеку» синтез социализма и анархизма – коммунизм, правые альтернативы – фашизм и национал-социализм. Но к началу 90-х гг. они потерпели крах, и западное общество вернулось к набившей оскомину антитезе консерватизм – либерализм. Но причиной протестов является не только усталость политически активного избирателя от этой антитезы, но и ускорение социально-экономического прогресса западного общества, создавшего атмосферу всеобщей неустойчивости. Молодой человек не может рассчитывать на карьеру, поскольку вследствие увеличения продолжительности жизни рабочие места заняты более пожилыми работниками. Последние вследствие стремительного технологического прогресса испытывают проблемы, связанные с приспособлением к быстро меняющейся производственной реальности. Бурное распространение высшего образования создало в обществе критическую массу высокообразованных лиц, не могущих надеяться на карьерный рост уже в силу своей многочисленности. При этом возникают и исчезают новые профессии, нагнетая неустойчивость. Приток ми-

грантов создал демпинг на рынке труда, снижая зарплату представителей «золотого миллиарда», который стремительно перестает быть золотым. В этих условиях интерес к протестным программам прошлого является оправданным, и, в частности, интерес к протестным программам обществ «государственного социализма» советского образца, таких как знаменитые «2000 слов» и программа независимого профобъединения «Солидарность».

Наибольшей известностью в качестве своеобразной программы «Пражской весны» пользуется документ под названием «2000 слов», опубликованный 27 июня 1968 г. Официальная советская история Чехословакии квалифицирует этот исторический документ следующим образом: «Волна провокаций антисоциалистического и антисоветского характера достигла вершины в связи с публикацией контрреволюционного воззвания “2000 слов”». Его авторы намеренно опубликовали воззвание в канун районных конференций КПЧ, на которых избирались делегаты на съезд партии» [Краткая история Чехословакии 1988: 484]. Полное название документа звучит следующим образом: «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, чиновникам, художникам и всем остальным» [Dva tisíce slov 1968]. Обращает на себя внимание, что рабочие поставлены здесь на первое место, а ученые исключены из рассмотрения и упоминаются лишь как все остальные. По сути сам документ испытывал влияние коммунистической идеологии, претендовавшей выражать интересы в первую очередь рабочего класса.

В начале текста документа утверждается: «Сначала жизни нашего народа угрожала война. Затем наступили тяжелые времена и события, которые угрожали его психическому здоровью и характеру. С надеждой большинство нации приняло программу социализма. Однако руководство попало не в те руки. То, что у них не было достаточного государственного опыта, фактических знаний или философского образования, не имело бы такого большого значения, если бы у них была хотя бы более высокая мудрость и порядочность, чтобы иметь возможность прислушиваться к мнению других и допускать их постепенную замену более способными лицами» [Ibidem]. В данном случае историческая правота идеологии государственного социализма (некогда именуемого марксизмом-ленинизмом) не ставится под сомнение, недоверие выражается только лишь руководству (очевидно, имеются в виду К. Готвальд, А. Новотный и др.). В полном противоречии с исторической правдой, авторы документа говорят о полном принятии большинством чехословаков программы социализма. На деле в 1945 году большинство жителей ЧССР доктрину государственного социализма не разделяло. Имеет смысл говорить о стремлении авторов «2000 слов» избежать обвинений в антикоммунизме.

Авторы документа вполне обоснованно констатировали кризис правящей партии: «Коммунистическая партия, пользовавшаяся боль-

шим общественным доверием после войны, постепенно захватила власть, пока не получила ее всю и не оставила ничего другим. Мы должны это сказать, и даже коммунисты среди нас разочарованы результатами правления КПЧ так же, как разочарованы другие. Неправильная линия руководства превратила партию из политической партии и идеологического союза в силовую организацию, которая стала очень привлекательной для эгоистичных людей, расчетливых трусов и людей с нечистой совестью. Их наплыв повлиял на характер и поведение партии, которая не была организована таким образом, чтобы, без неприятных событий, на нее могли повлиять подходящие люди, которые могли бы плавно ее трансформировать, чтобы она по-прежнему вписывалась в современный мир. Многие коммунисты боролись с этим упадком, но не смогли предотвратить ничего из того, что произошло [Ibidem]. В данном случае лидеры оппозиции в осторожной форме заявили о своем неприятии однопартийной системы, что на деле говорит об антикоммунизме «Пражской весны». Тем не менее, вся вина за неудачи правления КПЧ возлагается именно на руководство партии, чтобы не отпугнуть от движения рядовых коммунистов, уже видевших на примере Венгрии нежелательные для себя последствия подобных движений. Авторы документа справедливо квалифицируют КПЧ как силовую организацию, что не является новым. Можно вспомнить И. В. Сталина, охарактеризовавшего ВКП (б) как «орден меченосцев». Другое дело, что авторы документа несколько идеализируют историю КПЧ, представляя эту партию как изначально «идеологический союз», в то время как В. И. Ленин, создав партию в качестве тайного общества, ориентированного на силовую захват власти, сделал все, чтобы сохранить подобный характер партии и впоследствии. Важно, что документ апеллирует к морали и нравственности, что говорит о том, что именно интеллектуалы являются источником протеста.

Авторы документа не склонны говорить о социально-экономических правах граждан, и говорят в основном о падении морали: «Условия, созданные в Коммунистической партии, были образцом и причиной условий, созданных в государстве. Сращивание партии с государством привело к тому, что она потеряла возможность ухода из исполнительной власти. Не подвергалась критике деятельность государства и хозяйственных организаций. Парламент научился вести переговоры, правительство – править, а директора – управлять. Выборы не имели значения, законы теряли вес. Мы не могли доверять нашим представителям в каком-либо комитете, а когда мы могли им доверять, от них снова нечего было хотеть, потому что они не могли ничего добиться. Хуже того, мы больше не могли доверять друг другу. Личная и коллективная честь девальвировались. Было нечего делать со своей честностью... Вот почему большинство людей потеряли интерес к общим делам и заботятся только о себе и о деньгах, и одна из плохих

вещей в этой ситуации заключается в том, что даже на эти деньги сегодня не полагаются. Нарушены отношения между людьми, потеряна радость работы, короче говоря, для нации наступили времена, угрожающие ее психическому здоровью и характеру» [Ibidem]. Авторы документа апеллируют к нации как к некоей высшей ценности, причем сами авторы выступают как индивидуальные производители интеллектуального продукта. Неудовольствие по поводу сращивания партии и государства носило явно антикоммунистический характер, поскольку не признавало КПЧ в качестве ядра политической системы страны.

Ответственность за негативные явления в стране возлагается на весь народ: «Мы все несем ответственность за сегодняшнюю ситуацию, но в большей степени коммунисты, и основная ответственность лежит на тех, кто был частью или инструментом неконтролируемой власти. Это была сила, упрямо распространяемая партийным аппаратом из Праги в каждый район и село. Этот аппарат решал, что можно, а что нельзя, он возглавлял кооперативы, рабочие организации и национальные комитеты граждан. Фактически ни одна организация не принадлежала ее членам, даже коммунистическая партия. Главная вина и величайший обман этих правителей состоит в том, что они делали вид, что их воля есть воля рабочих. Если бы мы хотели верить в этот обман, нам пришлось бы обвинять рабочих в упадке нашей экономики, преступлениях против невинных людей, введении цензуры, которая не позволяла всем писать об этом, рабочие были бы виновны в неправильном инвестировании, убытках торговли, отсутствии жилья. Конечно, ни один разумный человек не поверит в такую вину рабочих. Все мы знаем, особенно каждый рабочий, что рабочий класс практически не принимает никаких решений. За рабочих проголосовал кто-то другой. В то время как многие рабочие считали, что они правят, от их имени управлял специально образованный слой партийных и государственных чиновников. Они фактически заняли место свергнутого класса и сами стали новыми лордами. Однако справедливо скажем, что некоторые из них уже давно осознали эту плохую историческую ситуацию. Мы знаем это сегодня потому, что они упрекают в заблуждениях, исправляют ошибки, возвращают исключенных в члены партии, ограничивают полномочия и количество чиновников. Они с нами против отсталых взглядов на членство в партии. Но большая часть чиновников сопротивляется переменам и все еще имеет вес! В их руках все еще есть средства власти, особенно в районах и муниципалитетах, где они могут использовать их тайно и без риска встретить всякие претензии» [Ibidem]. Авторы «2000 слов» настаивают на возможности критического обсуждения деятельности государственного и партийного аппарата (по верному наблюдению самих авторов, сросшихся подобно сиамам близнецам), и допускают сотрудничество с определенными кругами номенклатуры. В то же время именно желание установить

связь с подобными номенклатурными кругами вынудило авторов возложить ответственность за цивилизационное отставание ЧССР на весь народ, причем тут же ответственность с рабочих снимается. Авторы – интеллектуалы, явно рассчитывавшие в первую очередь на поддержку рабочих и либеральной части номенклатуры, подобно тому, как в свое время развивались перемены в Венгрии.

Трудовые коллективы для авторов программы не существуют, существует только нация как коллектив: «С начала этого года мы находимся в процессе оживления процесса демократизации. Он начался в Коммунистической партии. Мы должны это сказать, и даже те некоммунисты среди нас, которые не ожидали ничего хорошего от КПЧ, знают это. Однако следует добавить, что этот процесс не мог даже начаться где-либо еще. В конце концов, только коммунисты могли вести своего рода политическую жизнь в течение двадцати лет, только коммунисты могли критиковать то, что они делали, только оппозиция внутри коммунистической партии имела привилегию дискутировать с оппонентом. Таким образом, инициатива и усилия демократических коммунистов являются лишь выплатой долга всей партии перед некоммунистами, которых она держит в неравном положении. Нет, спасибо Коммунистической партии; возможно, это признание того, что она честно пытается использовать последнюю возможность для спасения своей национальной чести. В этом огромном процессе нет ничего слишком нового. Он приносит мысли и темы, многие из которых старше, чем ошибки нашего социализма, а другие возникли за пределами современных событий, они должны были быть выражены давно, но были подавлены. Давайте не будем питать иллюзий, что эти мысли теперь побеждают силой истины. Их победа была больше определена слабостью старого руководства, которое, очевидно, должно было устать от двадцатилетнего правления, во время которого ему никто не препятствовал. Видимо, все дефектные элементы, скрытые в основах и идеологии этой системы, должны были созреть в полной мере. Поэтому не будем переоценивать важность критики со стороны писателей и студентов. Источником социальных изменений является экономика. Правильное слово имеет значение только тогда, когда оно произносится в уже правильно разработанных условиях. Правильно разработанные условия – это, к сожалению, следует понимать в нашей стране как нашу общую бедность и полный распад старой системы правления, когда политики определенного типа развращались за наш счет в тишине и покое. Так что правда не побеждает, правда просто остается, когда все прочее изучено! Следовательно, нет причин для национальной победы, есть только причина для новой надежды» [Ibidem]. Авторы предстают перед нами как интеллектуалы с недостаточно сложившимися убеждениями. С одной стороны, они сохраняют мировоззрение советского образца, в рамках теории исторического

материализма сознательно рассматривая все изменения в обществе как последствия экономических изменений. Подсознательно чехословацкие диссиденты – вполне советские люди. Убежденность в том, что сами основы коммунистической идеологии дефектны – результат эмпирического взгляда на отставание собственной страны от соседей – ФРГ и Австрии, а не научного анализа. М. Восленский писал: «Пожилые люди в Австрии с некоторым недоумением расскажут вам о том, что и в империи Габсбургов, и в годы между двумя мировыми войнами Чехия славилась значительно более высоким, чем в Австрии, жизненным уровнем. А в 1968 году дубчеховцы, прекратив пропагандистскую болтовню о расцвете социалистической Чехословакии, открыто выдвинули перед народом оказавшуюся непосильной задачу: постараться достичь по жизненному уровню Австрию» [Восленский 1991: 237]. Причем, намек на «мысли и темы», которые старше, чем ошибки социализма – откровенный намек на возможное возвращение общества к антитезе либерализм – консерватизм и на отказ от монополии марксизма-ленинизма на общественное сознание.

Впрочем, авторы «2000 слов» настаивают на том, что они антикоммунистами не являются: «Прежде всего, мы будем выступать против мнений, если они возникнут, о возможности демократического возрождения без коммунистов или против них. Это было бы несправедливо и неразумно. Коммунисты создали организации, в которых необходимо поддерживать прогрессивное крыло. У них есть опытные чиновники, у них, наконец, всегда есть решающие рычаги и кнопки в руках. Ответственность сталкивается с их Программой действий, которая также является программой для урегулирования величайшего неравенства, и ни у кого другого нет столь же конкретной программы. Коммунисты должны быть обязаны представлять свои местные программы действий обществу в каждом районе и в каждом муниципалитете. Возможно, это будут самые обычные и долгожданные добрые дела. Коммунистическая партия готовится к съезду, который изберет новый ЦК. Если Коммунистическая партия сегодня заявляет, что она хочет основывать свою руководящую позицию на доверии граждан, а не на насилии, давайте верить этому, пока мы можем доверять людям, которых партия уже посылает в качестве делегатов на районные и региональные конференции» [Dva tisíce slov 1968]. Эти слова говорят об отсутствии у авторов «2000 слов» четкого видения будущего страны, отсутствии у них рецептов улучшения состояния общества и государства. Диссиденты ЧССР надеются в первую очередь на партию как на источник перемен. В документе «2000 слов» можно видеть в первую очередь социальную и политическую пассивность интеллигенции, ее склонность к кухонным дискуссиям: «...мы должны дать новым людям, министрам, прокурорам, президентам и секретарям время для работы. У них есть право либо проявить себя, либо сделать это невозможным. Более того, сегодня от

центральных политических органов больше нечего ожидать. Таким же образом они явили чудесные чудеса» [Ibidem]. Авторы документа констатируют, что прогресс демократизации остановился, но тут же сами настаивают на приостановлении этого процесса. Очевидно, бравый солдат Швейк с его склонностью к пассивному бытовому протесту представляет собой нечто большее, нежели литературного героя, а суть самой чешской нации.

По национальному вопросу авторы «2000 слов» высказались весьма осторожно, ограничившись лишь поддержкой идеи федерализации без всяких конкретных реформ чехословацкой федерации в пользу словаков. По сути «2000 слов» представляют собой манифест чешского национализма, реализуемого за счет словаков.

Программа социально-экономических реформ, изложенная в документе «2000 слов», выглядит следующим образом: «Практическое качество будущей демократии зависит от того, что произойдет с экономикой. В конце концов, во всех наших дискуссиях мы зависим от крестьян. Необходимо искать и продвигать хороших управляющих. Это правда, что всем нам недоплачивают по сравнению с развитыми странами, а некоторым даже хуже. Мы можем попросить больше денег, которые можно напечатать и, таким образом, обесценить. Но давайте попросим директоров и председателей объяснить нам, что и за сколько они хотят производить, кому и зачем продавать, сколько зарабатывать, что вкладывается в модернизацию производства и что можно распределить. За кажущимися скучными заголовками в газетах отражается ожесточенная борьба за демократию... Рабочие... могут вмешиваться, выбирая, кого избрать в администрацию и производственные советы. Как сотрудники, они могут делать все возможное, выбирая своих прирожденных лидеров, способных и честных людей, независимо от партийной принадлежности, в качестве представителей своего профсоюза» [Ibidem]. В этих словах выражается инстинктивный страх интеллигентов перед рыночными реформами, склонность жить в спокойных условиях тотального государственного капитализма. В своих социально-экономических устремлениях чехословацкие диссиденты не идут далее югославской программы самоуправляющегося социализма, в сущности заимствуя ее. При этом авторы «2000 слов» продолжают возлагать надежды на хозяйственную номенклатуру.

В качестве методов политической борьбы авторы документа предлагают следующее: «публичная критика, резолюции, демонстрации, сбор пожертвований, забастовка, бойкот» [Ibidem]. Можно было бы рассмотреть чехословацкое диссидентское движение в качестве аналога гандистского движения, но авторы «2000 слов» предлагают: «Давайте на собраниях организуем свою собственную правоохранительную службу» [Ibidem]. Чехословацкие диссиденты вовсе не были апостолами ненасилия. Более того, они утверждали: «В последнее время вызывает боль-

шую озабоченность возможностью того, что иностранные силы будут вмешиваться в наше развитие. Мы можем дать понять нашему правительству, что мы будем поддерживать его, например, с помощью оружия, если оно будет делать то, на что мы ему даем мандат, и мы можем заверить наших союзников, что мы будем соблюдать наш дружественный союз и поддерживать торговые соглашения» [Ibidem].

Авторы программы профсоюза «Солидарность», одобренной на съезде профобъединения 6 октября 1981 г., ориентируются на те же слои, что и деятели «Пражской весны»: «Трудящийся мир: рабочие и фермеры, интеллигенция и ремесленники» [Program NSZZ «Solidarność» 1981]. При этом польские профсоюзные лидеры, острожно упорствуя в своем неприятии коммунизма, на деле сами выступают против эксплуатации человека человеком: «Наш союз вырос из восстания польского общества, которое более трех десятилетий назад пережило нарушение прав человека и гражданина: восстание против идеологической дискриминации и экономической эксплуатации» [Ibidem]. Примечательно, что лидеры «Солидарности» сохранили коммунистическую ментальность.

Программа «Солидарности» с самого начала указывает, что перед нами не профсоюз, а общественное движение, а на деле политическая партия: «Нас всех волновали не только условия жизни, хотя жизнь у нас была плохая, мы много работали и часто безрезультатно. История научила нас, что без свободы нет хлеба. Мы также хотели справедливости, демократии, правды, верховенства закона, человеческого достоинства, свободы веры, восстановления Республики Польша, а не только хлеба, масла и колбасы. Экономический протест должен был быть одновременно и социальным протестом; социальный протест должен был быть одновременно и моральным протестом» [Ibidem]. Как и деятели «Пражской весны», польские профсоюзные деятели уповают на абстрактные моральные ценности, но подключают также и ценности религиозные: «Этот социальный и моральный протест возник не в одночасье. Это наследие крови познанских рабочих 1956 года, волнений в декабре 1970 года на побережье, студенческого восстания 1968 года, страданий Радома и «Урсуса» в 1976 году. Это наследие независимых действий рабочих, интеллигенции и молодежи, усилий церкви по сохранению ценностей, наследие всей борьбы за человеческое достоинство в нашей стране. Наш союз вырос из этой борьбы и останется верным ей» [Ibidem]. Если чехословацкие диссиденты абстрагировались от католической церкви, то в идеологии «Солидарности» заметна мощная религиозная струя. В 1993 г. историки новой России смогли объективно оценить программу «Солидарности»: «Программа не усматривала ничего позитивного во всей послевоенной истории Польши, трактуя ее как непрерывную цепь кризисов и конфликтов» [Краткая история Польши 1993: 461].

Если «2000 слов» представляли собой в первую очередь призыв к общенациональной дискуссии, то программа «Солидарности» выражает претензию на представительство интересов всего общества со стороны готовой общественной организации: «Благодаря созданию мощной профсоюзной организации польское общество перестало быть раздробленным, дезорганизованным и потерянным: объединившись под лозунгом солидарности, оно обрело силу и надежду. Созданы условия для настоящего национального возрождения. Наш профсоюз – самое обширное представительство трудящихся в Польше – хочет быть и будет движущей силой этого возрождения» [Program NSZZ «Solidarność» 1981]. По сути, лидеры «Солидарности» претендуют на представительство интересов всего общества, и такие взгляды можно трактовать как стремление получить монополию на власть.

Программа «Солидарности» формально не выступает против правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), данная программа направлена не против социализма, но лишь против авторитарных тенденций во власти: «...“Солидарность” соединила многие социальные тенденции, она объединяет людей с разными мировоззрениями и разными политическими и религиозными убеждениями, независимо от национальности» [Ibidem]. Профсоюз лишь выступает «...против лишения трудящихся истинного представительства в конфликтах с государством; против доброжелательности правителей, которые лучше знают, сколько свободы дать управляемым, против вознаграждения за абсолютное политическое послушание вместо инициативы и независимости действий, против склонности тратить впустую результаты тяжелого, терпеливого труда нации» [Ibidem]. Так же как и «2000 слов», польские диссиденты склонны к иносказаниям. В частности, фраза, посвященная доброжелательным правителям – камешек в огород первого секретаря ПОРП Эдварда Герека, сказавшего польским рабочим: «Вы будете работать хорошо, а мы будем управлять хорошо».

Лидеры независимого профсоюза придерживаются идеи народного суверенитета и отрицают однопартийную систему: «В основе наших действий должно лежать уважение к людям. Государство должно служить человеку, а не управлять им; Государственная организация призвана служить обществу и не может быть отождествлена с какой-то одной политической партией. Государство действительно должно быть общим благом всей нации» [Ibidem]. Требование лишить государство управленческих функций говорит о склонности профсоюзных лидеров к анархизму.

Об отношениях общества и государства программа «Солидарности» говорит следующее: «Мы считаем права человека принципом, от которого нельзя отклоняться. Народное правление не может быть достоянием тех, кто ставит себя выше общества, групп, которые заявляют о праве управлять общественными потребностями и претендуют

представлять интересы общества. Общество должно иметь возможность говорить полным голосом, выражать разнообразие социальных и политических взглядов: оно должно быть в состоянии организовать себя таким образом, чтобы обеспечить всем справедливую долю материальных и духовных благ нации и освобождение всех ее творческих возможностей и сил. Мы хотим реальной социализации системы управления и менеджмента. Поэтому мы стремимся к самоуправляемой Польше» [Ibidem]. «Самоуправляемая Польша» – наивная утопия, поскольку любое государство, хотя бы и тесно связанное с обществом, все же есть отделенная от общества сущность.

Как и чехословацкие диссиденты, польские профсоюзные лидеры настаивают на идее национальной независимости: «Нам дорога идея свободы и неограниченной независимости. Мы будем поддерживать все, что укрепляет национальный и государственный суверенитет, способствует свободному развитию национальной культуры и передаче исторического наследия. Мы считаем, что нашу национальную идентичность необходимо полностью уважать» [Ibidem]. Примечательно, что ранее лидеры «Солидарности» претендовали на выражение взглядов лиц любой национальности, здесь же они ограничиваются отстаиванием идеи национальной идентичности, а именно польской. Так же как и авторы «2000 слов», польские диссиденты – националисты. Впрочем, польские диссиденты боятся произнести само слово «капитализм»; они желают «восстановления государства и экономики, основанных на демократии и всеобъемлющей социальной инициативе» [Ibidem]. Несомненно, в данном случае они просто не хотят вызвать беспокойство прокоммунистически настроенных элементов общества, говоря не о «частной инициативе», а о «социальной инициативе». Точно так же и чешские диссиденты не настаивали открыто на восстановлении экономической системы капитализма.

Как и авторы «2000 слов», авторы программы «Солидарности» не настаивали на выходе Польши из Организации Варшавского договора: «Ответственность требует от нас признания баланса сил, который сложился в Европе после Второй мировой войны. Мы хотим осуществить начатую нами великую трансформацию, не нарушая международных альянсов. Они могут получить более надежные гарантии, чем раньше. Наша нация, воодушевленная глубоким чувством собственного достоинства, патриотизмом и своими традициями, может быть ценным партнером только в том случае, если она возьмет на себя обязательства самостоятельно и сознательно» [Ibidem]. Впрочем, авторы программы многозначительно говорят не о Польской Народной Республике, а о Республике Польша.

Особого внимания заслуживает экономический раздел программы «Солидарности»: «Профсоюз требует реформу. Она должна упразднить привилегии бюрократии и возможность их возрождения.

Реформа должна привести к всеобщему освобождению трудолюбия и предпринимательства» [Ibidem]. Примечательно, что это единственный пассаж программы, настаивающий на возрождении предпринимательства. В сущности, программа даже не настаивает на приватизации экономики. Она сводится к попытке совместить «план, местное самоуправление и рынок»: «...распределительная система управления экономической жизнью, препятствующая рациональному управлению, должна быть отменена. В этой системе огромная экономическая власть сосредоточена в руках партийного и бюрократического аппарата. Организационная структура экономики, обслуживающая командную систему, должна быть разрушена. Необходимо отделить органы экономического управления от политической власти. Следует прекратить служебную зависимость директоров компаний от министров и отменить назначение на основе партийной номенклатуры» [Ibidem].

Вопрос об ответственности директоров программа «Солидарности» решает следующим образом: «Должна быть построена новая организационная структура экономики. Основной организационной единицей экономики должно быть социальное предприятие, управляемое персоналом, представленным производственным советом, и оперативно управляемое директором, назначаемым советом по конкурсу и увольняемым им. Социальное предприятие будет распоряжаться вверенной ему общегосударственной собственностью в интересах общества и своих сотрудников. Оно будет вести самостоятельную деятельность на основе экономических расчетов. Государство должно влиять на его деятельность посредством регулирования и экономических средств – цен, налогов, процентных ставок по кредитам, обменных курсов и т. д.» [Ibidem]. На самом деле подобная модель экономики новой не является. И «2000 слов», и программа «Солидарности» основывают свою экономическую программу на югославской теории самоуправляемого социализма. Важно, что деятели «Солидарности», признавая право государства регулировать цены, настаивают на следующем: «Необходимо устранить бюрократические барьеры для функционирования рынка. Центральные органы экономического управления не могут навязывать предприятиям области и сферы деятельности, а также назначать им поставщиков и получателей. Предприятия смогут беспрепятственно вести внутреннюю торговлю, за исключением областей, требующих уступок. Деятельность в области внешней торговли также должна быть напрямую доступна каждому предприятию. Профсоюз осознает важность экспорта, который выгоден для трудовых коллективов и страны. Стремлению компании к привилегированному положению на рынке следует противопоставить антимонопольное законодательство и организации потребителей. Права потребителей должны охраняться законом. Цены на большинство товаров должны определяться спросом и предложением» [Ibidem]. Ценовой вопрос «Соли-

дарность» так и не смогла решить для себя сколько-нибудь адекватно, тем более что в тезисе 4 программы профсоюз не исключает повышения цен. При этом тезис 9 настаивает на отмене сдельной оплаты труда. Это говорит о несомненном страхе самих лидеров «Солидарности» перед рыночной экономикой, основанной на частной собственности.

Вышеизложенное говорит о недостаточной достоверности официальной советской оценки программы «Солидарности», приводимой ниже: «В экономической области ставились задачи ликвидации плановой системы хозяйствования, полной децентрализации экономики и перехода к рыночным отношениям, ликвидации общенародной собственности и передачи управления предприятиями в руки так называемых органов самоуправления» [Международный ежегодник 1982: 120].

Сопоставление двух антикоммунистических диссидентских программ свидетельствует о том, что они содержат больше сходства, нежели различия. Важно, что «2000 слов» есть результат в первую очередь интеллектуального протеста, в то время как программа «Солидарности» – выражение протеста рабочего класса. Роднит эти программные документы их несомненная идейная связь с идеями Тито и Карделя и подсознательное стремление не отказываться от «государственного социализма», дающего успокоение индивиду, не желающему превращать жизнь в игру, где ставкой является его собственная жизнь. Тем не менее они свидетельствуют об исторической обреченности любой социалистической теории. Социализм в самом общем виде сводится к передаче обществу всех благ, но при этом социализм игнорирует тот факт, что общество не имеет собственных институтов и собственником быть не может. Попытка реализовать социалистический проект в виде советского государственного социализма (на деле – тотального государственного капитализма) не носила социалистического характера, поскольку социализм на деле неосуществим.

Список источников и литературы

Восленский 1991 – Восленский М. Номенклатура. М., 1991.

Краткая история Польши 1993 – Краткая история Польши. М., 1993.

Краткая история Чехословакии 1988 – Краткая история Чехословакии. М., 1988.

Международный ежегодник 1982 – Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1982.

Dva tisíce slov 1968 – Dva tisíce slov, které patří dělníkům, zemědělcům, úředníkům, umělcům a všem. URL: http://www.svedomi.cz/dokdoby/19680627_dvatisiceslov.htm.

Program NSZZ “Solidarność” 1981 – Program NSZZ “Solidarność” uchwalony przez I Krajowy Zjazd Delegatów. URL: <http://www.internacjonalista.pl/menu-kraj/historia-solidarnoci/1484-program-nszz-solidarno-uchwalony-przez-l-krajowy-zjazd-delegatow.html>.

References

- Voslenski 1991** – Voslenski M. The Nomenclature. Moscow, 1991.
- Kratkaya istoria Polshi** – Kratkaya istoria Polshi. Moscow, 1993.
- Kratkaya istoria Chechoslovakii** – Kratkaya istoria Chechoslovakii. Moscow, 1988.
- Mezhdunarodny ezegodnik 1982** – Mezhdunarodny ezegodnik. Politika i ekonomika. Moscow, 1982.
- Dva tisice slov 1968** – Dva tisice slov, které patří dělníkům, zemědělcům, úředníkům, umělcům a všem. URL: http://www.svedomi.cz/dokdoby/19680627_dvatisiceslov.htm.
- Program NSZZ “Solidarność” 1981** – Program NSZZ “Solidarność” uchwalony przez I Krajowy Zjazd Delegatów. URL: <http://www.internacjonalista.pl/menu-kraj/historia-solidarnoci/1484-program-nszz-solidarno-uchwalony-przez-l-krajowy-zjazd-delegatow.html>.

УДК 930:94(470.54).084.3

DOI 10.26170/2413-872X_2021_24_07

Код ВАК 07.00.03

И. А. Ключ

РУМЫНСКИЕ ПОДДАННЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ РУМЫНЫ В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА УРАЛЕ В 1918–1919 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Статья посвящена изучению отношения румынских военнослужащих многонациональной Австро-Венгерской армии, оказавшихся в плену на Урале, к Великой российской революции и Гражданской войне. Затрагивается вопрос участия в Гражданской войне подданных Румынии из числа военнослужащих и гражданских лиц, перешедших на территорию союзной для них Российской империи в результате тяжелых поражений на Румынском фронте в 1916–1917 гг.

Ключевые слова: Великая Октябрьская революция; Гражданская война; Первая мировая война; этнические румынцы; интернационалисты; Красная армия; историография; исторические исследования; вооруженные формирования.

Сведения об авторе: Ключ Иван Александрович, магистр истории, независимый исследователь; 620085, Россия, г. Екатеринбург; e-mail: ivanrock82@mail.ru.

Ivan A. Klyus

ROMANIAN CITIZENS AND ETHNIC ROMANIANS IN THE ARMED FORMATIONS OF THE RED ARMY IN THE URALS IN 1918–1919 (BASED ON MATERIALS OF HISTORICAL RESEARCH)